

УДК 811.161.1'23'276.12'373.74

ЛАВРИК Эльвира Петровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета; Ставрополь, Россия;

e-mail: ellav@rambler.ru; моб.: +7-8-962-4911272

ИНВЕКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Аннотация. В статье говорится о проблемах лингвистической экспертизы спорных текстов и об инвектогенном потенциале прецедентных феноменов.

В лингвистике имеется два основных подхода к пониманию языкового феномена инвективы: широкий и узкий. В узком понимании речь идёт об эксплицитной, явной инвективе, которая осуществляется с помощью средств, однозначно воспринимаемых как инвектива всеми носителями языка. В широком смысле инвективность реализуется с учётом контекста, с опорой на лексико-семантический критерий. Параметризация инвективы имеет большое значение для экспертной практики по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации и об оскорблении.

Значительным потенциалом инвективности обладают прецедентные феномены, апелляция к которым в определённом контексте имеет задачу оскорбить адресата инвективы. Являясь по формальным основаниям оценочным средством, в случае негативной оценочности они могут служить унижению чести, достоинства и деловой репутации личности. Эффективность данного речевого действия зависит от наличия / отсутствия у адресата и адресанта инвективы общей картины мира.

Ключевые слова: имплицитная инвектива, прецедентный феномен, лингвистическая экспертиза.

Проблема исследования словесных проявлений инвективы является актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане. Исследование теоретических аспектов проблемы помогает очертить спектр тех языковых средств, которые могут быть реализованы в инвективной функции. Практический аспект проблемы связан с лингвоэкспертной практикой.

Традиционно инвектива расценивается как оскорбительное слово в наиболее резкой форме или, точнее, ругательство в функции оскорбления (И. А. Стернин, В. И. Жельвис, Ю. В. Щербинина). Данный подход к определению термина «инвектива» предполагает опору на лексико-семантический критерий.

Однако в современной лингвистике существует и несколько иной подход к определению феномена инвективы. Так, В. И. Жельвис, допуская двойное понимание этого явления, говорит о том, что «инвективу в узком смысле слова можно определить как способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное нарушение этических табу, осуществлённое неcodифицированными средствами, в широком смысле — как любое вербально выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [3, с. 21]. Эту точку зрения разделяют Н. Д. Голев, В. Н. Капленко, С. В. Сыпченко, Ю. А. Бельчиков и другие исследователи, работающие в рамках юрислингвистической проблематики.

Специфическая направленность юрислингвистики обуславливает необходимость обнаружения в высказываниях и текстах не только прямых, но и косвенных, скрытых оскорблений. При таком понимании лингвистической сущности инвективы речь идет уже не об особом разряде лексических единиц, а о взаимодействии языковых средств разных уровней, способствующих реализации пейоративного значения: «Инвектива как речевое явление, речевое событие, реализующее определённые коммуникативные и экспрессивные интенции её автора — это словесный «наезд», вербальная атака, нападки, далеко не всегда выраженные в форме собственно брани или сквернословия, но, безусловно, реализующие языковую (вербальную) агрессию, являясь одновременно лишь одной из форм языкового насилия над личностью» [5, с. 116].

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить два основных подхода к пониманию языкового феномена инвективы. Первый, предполагающий опору на лексико-семантические характеристики языкового знака, целесообразно назвать узким. Узкий подход предполагает оперирование лексическими единицами, инвективный характер которых является общепризнанным носителями языка. Типология русской инвективной лексики на сегодняшний день активно разрабатывается. Об этом говорят научные статьи и диссертационные исследования последних лет, связанные с этой проблемой (в частности, ведётся работа по созданию юрислингвистического словаря инвективной лексики русского языка под руководством Н. Д. Голева). Разработка классификаций инвективной лексики имеет, прежде всего, практическую значимость: работа по изучению инвективного потенциала современного русского языка сопряжена с необходимостью создания авторитетного источника, на который могут опираться лингвисты-эксперты для обоснованного ответа на вопрос об оскорбительности того или иного слова.

Вторая точка зрения, связанная с выявлением инвективной семантики текста, вытекающей из взаимодействия средств различных языковых ярусов, представляет широкий подход к пониманию инвективы. Широкий подход основывается на принципе, согласно которому семантика языкового знака ставится в зависимость от его языкового окружения, от контекста. Другими словами, учитывается результат комплексного взаимодействия единиц различных уровней языка. В соответствии с этим инвективное значение приписывается уже не отдельному слову, а целому высказыванию и, шире, тексту.

Именно проблема, связанная с интерпретацией текста, высказывания, является одной из самых острых практических проблем, стоящих перед исследователями, занимающимися вопросами юрислингвистики: «Категория инвективности — сложнейшая лингвистическая проблема. Лексический её выход — наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более рече-ситуативное) разворачивание инвективного фрейма — задача более сложная, так как здесь сопрягается множество факторов», ряд которых относится к имплицитным сферам речи. «По-видимому, самое сложное в проблеме инвективности текста — объективная оценка, с одной стороны, намерений его автора и, с другой стороны, оценка интерпретации данного текста посчитавшим себя оскорбленным субъектом» [2, с. 11]. Таковы, в частности, приёмы воздействия при помощи речевых импликаций, которые состоят в том, что «внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нём утверждений как речевая импликация. Это даёт возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицитного утверждения...» [1, с. 56]. Оскорблённое лицо в данной ситуации может интерпретировать спорное с точки зрения оскорбительности/неоскорбительности высказывание либо в обидном, либо в необидном для себя смысле, и обоснованность его реакций — сложнейший и неизведанный предмет науки [2].

В связи с этим именно в юридической лингвистике в рамках широкого подхода к инвективе ставится проблема выделения и описания так называемой скрытой, неявной, или имплицитной инвективы. Б. Я. Шарифуллин указывает на то, что «Доказать факт языковой агрессии и/или языкового насилия с использованием определенных инвективных средств... непросто. Но вполне возможно, если... «восстановить» и аргументировано представить всю «цепочку» данного речевого события: интенции автора анализируемого текста и его коммуникативную стратегию, выбор им определённых речевых тактик, их реализацию в «прочитываемых» инвективных речевых жанрах, языковое воплощение данных жанров в соответствующих инвективных единицах языка» [5, с. 116].

Таким образом, предлагаются различные пути решения проблемы, связанной с проявлением вариативности языковых знаков, на практике. Необходимо отметить, что проблема имплицитной инвективы в настоящее время не имеет какого-либо единого комплексного решения как в теоретическом, так и в практическом плане (в практике проведения лингвистических экспертиз).

Вопрос об инвективности поднимается применительно к:

- ст. 152 Гражданского кодекса РФ по спорным текстам в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации;
- по спорным текстам в связи с уголовными делами по обвинению в клевете, в оскорблении (ст. 129 УК РФ);
- по обвинению в оскорблении (ст. 130 УК РФ).

При этом по юридическим основаниям оскорблением является унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Безусловно, неприличная форма выражения оценки имеет определённую сферу бытования: это прежде всего устная речь. В средствах массовой информации инвектива чаще всего носит имплицитный характер и проявляется в целом комплексе средств, относящихся к различным уровням языковой системы. Именно этот факт, вступающий в противоречие с практическим применением результатов исследований в этой области (проведением лингвистических экспертиз, требующих квалифицированного однозначного ответа на вопрос об интерпретации того или иного языкового знака (не только слова, но и высказывания, текста)), приводит исследователей к необходимости разработки категории инвективности, основанной на потенциальной возможности единиц разных уровней языка приобретать оскорбительное значение.

К числу таких средств относится использование прецедентных феноменов (ПФ), понимаемых, вслед за Ю. Н. Карауловым, как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников; (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Таким образом, феномен прецедентности основывается на общности социальных, культурных или языковых — фоновых знаний адресата и адресанта. В газетных текстах ПФ выполняют не столько номинативно-информативную, сколько рекламно-экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию, служат средством привлечения внимания и оценки. Именно поэтому ПФ так частотны в заголовках. Например: (1) *Пожарный с повадками Герострата*

(Открытая для всех и каждого, № 4, 06.02.2013). (2) Поздравляем вас, господин соврамши! (Открытая для всех и каждого, 16—23.01.2013). (3) *Бог шельму метит.* (4) *Край непуганых* (Открытая для всех и каждого, 10—17.04.2013) и др.

Являясь по формальным основаниям оценочным средством, в случае негативной оценочности они могут служить унижению чести, достоинства и деловой репутации личности, так как инвектум воспринимает применённое к нему высказывание с прецедентным феноменом как средство его негативной характеристики, унижающее его честь и достоинство. Например, в статье «Верный Полкан» (газета «Звезда Прикубанья», 04.03.2009): *Представляясь участником митинга, Виктор Михайлович без ложной скромности заявил, что его называют «Жириновским Юга России». Такой вот он крутой в смысле резать правду матку. На Жириновского он, конечно, не тянет. А вот с попом Гапоном, пожалуй, его сравнить можно. К сожалению, провокаторы были во все времена. Отрабатывая брошенную им кость, они дискредитируют хорошие начинания* (Звезда Прикубанья). В данном фрагменте негативная характеристика даётся путем сравнения инвектума с прецедентной оидозной личностью — попом Гапоном.

Другой яркий пример, частотный в лингвоэкспертной практике, — ставшее прецедентным высказывание «оборотни в погонах»: (1) *Сейчас вы увидите всех оборотней в погонах...* (Ви-деорелик). (2) *Оборотни в погонах* (Открытая для всех и каждого, № 27, 11—18.07.2012). Негативный оценочный компонент содержится в устойчивом сочетании «оборотни в погонах», которое, не будучи ещё зафиксированным в словарях, закрепилось в русской лингвокультуре и русском языковом и общественном сознании, о чём свидетельствует широкое использование данного устойчивого сочетания в средствах массовой информации и сети Интернет. Так, в Википедии приводится такое определение этого понятия: *Оборотни в погонах* — обозначение любых сотрудников правоохранительных органов, под прикрытием своих званий и должностей совершающих преступления или участвующих в коррупции. Активность использования ПФ «оборотни в погонах» как устойчивого выражения с негативно-оценочным значением подтверждается данными Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ruscorgo.ru): (1) *Поверить в чистоту помыслов «чистых рук», говорит депутат, можно будет лишь после того, как в разработку будут взяты не только оборотни в погонах, а и те, кто отбросил Россию на столетия назад, превратив её в сырьевую колонию, ведущую на своей территории безумную войну, истребляющую свой народ.* [Оборотни первой волны (2003) // «Завтра», 2003.08.06]. (2) *В той фазе гангрены коррупции, какая сейчас в России, уже бесполезно пить нарзан и уверять общественность, что одни оборотни в погонах пересаживают других и всё будет хорошо* [В. Баранов. Либеральное будущее (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.10.26]. (3) *Какого рода преступления совершили оборотни в погонах?* [Ж. Касьяненко. Перевёртыши — оборотни (2003) // «Советская Россия», 2003.08.15]. (4) *Тогда это называлось — бизнесмент (сейчас «оборотни» в погонах)* [Л. Кислинская. Уходящие «в натуре» (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.08]. (5) *Впрочем, важнее другое — «оборотни в погонах» наверняка найдут другие возможности для безболезненного закрытия магазинов и ресторанов* [Силовики тормозят реформы // «Коммерсантъ-Daily», 2003].

Таким образом, в использовании ПФ *оборотни в погонах* присутствует утверждение о преступной деятельности с использованием должностей и званий. Здесь нет утверждений о конкретных фактах, которые можно было бы верифицировать, однако лицо, к которому применено данное высказывание, безусловно, считает себя оскорблённым.

Судебная практика по подобным делам различна: в правоприменении данная фраза интерпретируется то как оценочная, то как фактологическая. В комментариях пленума Верховного суда РФ по данной статье отмечается, что зачастую определить, где заканчивается оценочное суждение и начинается констатация факта, довольно сложно. Именно поэтому необходимы совместные поиски критериев оценки высказываний, не имеющих формальных показателей инвективности, но формирующих ситуацию, в которой инвектум считает себя оскорблённым и связывает данное высказывание с унижением его чести и достоинства. И в этом смысле инвектогенный потенциал прецедентных феноменов достаточно велик.

Л и т е р а т у р а

1. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки славянской культуры, 1997. — 576 с.
2. Голев Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. — С. 4—11.
3. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис — М., 2001. — 349 с.

4. *Karaulov Ju. N.* Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. — М. : Наука, 1987. — 263 с.

5. *Шарифуллин Б. Я.* Речевая инвектива на randevу лингвистики и юриспруденции: pro et contra // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. — С. 112—120.

References

1. *Bulygina T. V.* Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. — М. : Jazyki slavianskoj kul'tury, 1997. — 576 s.

2. *Golev N. D.* Postanovka problem na styke jazyka i prava / N. D. Golev // Jurislingvistika-1: problemy i perspektivy : mezhvuz. sb. nauch. tr. — Barnaul : Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1999. — S. 4—11.

3. *Zhel'vis V. I.* Pole brani. Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira / V. I. Zhel'vis. — М., 2001. — 349 s.

4. *Karaulov Ju. N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. — М. : Nauka, 1987. — 263 s.

5. *Sharifullin B. Ja.* Rechevaja invektivna na randevу lingvistiki i jurisprudencii: pro et contra // Jurislingvistika-6: Invektivnoe i manipuliativnoe funkcionirovanie jazyka : mezhvuz. sb. nauch. st. / red. N. D. Golev. — Barnaul : Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2005. — S. 112—120.

ЛАВРИК Ельвіра Петрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Північно-Кавказького федерального університету; Ставрополь, Росія;
e-mail: ellav@rambler.ru; моб.: +7-8-962-4911272

ИНВЕКТОГЕННИЙ ПОТЕНЦІАЛ ПРЕЦЕДЕНТНИХ ФЕНОМЕНІВ

Анотація. У статті йдеться про проблеми лінгвістичної експертизи спірних текстів і про інвектогенний потенціал прецедентних феноменів.

У лінгвістиці є два основних підходи до розуміння мовного феномену інвективи: широкий і вузький. У вузькому розумінні мова йде про експліцитну, явну інвективу, яка здійснюється за допомогою засобів, що однозначно сприймаються як інвектива усіма носіями мови. У широкому сенсі інвектива реалізується з урахуванням контексту, з опорою на лексико-семантичний критерій. Параметризація інвективи має велике значення для експертної практики у справах про захист честі, гідності, ділової репутації та про образу.

Значний інвективний потенціал містять прецедентні феномени, апеляція до яких у певному контексті має завдання образити адресата інвективи. Будучи за формальними підставами оцінним засобом, у разі негативної оцінки вони можуть служити приниженню честі, гідності та ділової репутації особи. Ефективність даної мовленнєвої дії залежить від наявності / відсутності у адресата й адресанта інвективи загальної картини світу.

Ключові слова: імпліцитна інвектива, прецедентний феномен, лінгвістична експертиза.

Elvira P. LAVRIK,

Ph. D. in Philology, Associate Professor in the Department of the Russian Language, North-Caucasus Federal University; Stavropol, Russia;
e-mail: ellav@rambler.ru; cell.: +7-8-962-4911272

INVECTIVE POTENTIAL OF PRECEDENT PHENOMENA

Summary. The issues of linguistic expertise of disputable texts and invective potential of precedent phenomena are examined in the article. In linguistics, there are two main approaches to invective as a language phenomenon: wide and narrow. In the narrow sense, we talk about explicit, evident invective which is realized by means which every native speaker clearly perceives as invective. In the wide sense, invective is realized in close connection with the context and heavily relies on lexical-semantic criterion. It is crucial for expert practice in slander lawsuits to recognize the parameters of invective. Precedent phenomena have considerable invective potential and are often used when trying to insult the addressee of invective. Being formally an instrument of evaluation, being employed in a negative way precedent phenomena can damage one's honour, dignity and reputation. Efficiency of such verbal act depends on presence/absence of common worldview of an addresser and an addressee of invective.

Key words: implicit invective, precedent phenomenon, linguistic expertise.

Статтю отримано 25.08.2014 р.